

Чэн Пан лишь безмолвно хлопал глазами — крыть было нечем.

На третий день одноклассники вернулись из похода. Чэн Пан явился на занятия с тяжелыми тенями под глазами, напоминавшими синяки. Степень выполнения миссии таяла с каждым днем, и ему во что бы то ни стало нужно было придумать, как вернуть сюжет в основное русло.

На повороте у школьных ворот он внезапно заметил Цю Юя и Сюй Линь. Те о чем-то весело болтали, проходя в школьный двор. Чэн Пан радостно просиял: неужели за время его отсутствия они наконец сошлись? Поход дал свои плоды?

Он поспешил следом, стараясь расслышать их разговор.

— Я собрал все вещи после похода, они у меня дома, — говорил Цю Юй. — Завтра принесу.

— Хорошо, — кивнула Сюй Линь. — Кстати, как продвигается подготовка к экзаменам? У меня есть билеты за прошлые годы, старшекурсницы поделились.

Едва они подошли к учебному корпусу, Цю Юй резко обернулся.

Застигнутый врасплох, Чэн Пан тут же принялся с преувеличенным интересом рассматривать клумбу, поглаживая ветку глицинии.

— Надо же, как красиво расцвела! — пробормотал он под нос. — Просто загляденье.

Цю Юй едва заметно улыбнулся и опустил голову, пытаясь скрыть радость, но в его взгляде заплясали живые искорки.

— Ты иди, — обратился он к Сюй Линь.

— Хорошо.

Уходя, девушка не удержалась и бросила взгляд на Чэн Пана. Ей показалось, что в последнее время эти двое стали подозрительно близки.

Цю Юй подошел к толстяку.

— Неужели и правда так красиво?

Чэн Пан только сейчас соизволил «заметить» его:

— Ой, Цю Юй, это ты?

«Шел за мной всю дорогу и только сейчас заметил?» — Цю Юй не стал его разоблачать и лишь спросил:

— Как провел эти дни?

— Ну... неплохо, — ответил Чэн Пан, стараясь не думать о том, как подскочил уровень симпатии Чжоу Вэя.

Его распирало от любопытства. Если у Цю Юя и Сюй Линь наметился прогресс, то дело в шляпе. В конце концов, они — главные герои этой истории. А то, что уровень симпатии Чжоу Вэя немного подрос... Ну, бывает, ничего страшного.

Приняв вид завятой сплетницы, он заговорщицки прошептал:

— Слушай, а у вас с Сюй Линь в походе ничего такого не было? Вы выглядите... подозрительно близкими.

Цю Юй опешил: «Неужели он ревнует?»

Он внимательно взгляделся в лицо Чэн Пана. Заметив в его взгляде настойчивое желание докопаться до истины и какую-то недосказанность, он понял, почему тот крался за ним всю дорогу. Юноша кашлянул, скрывая эмоции, и, взглянув на свои кеды, тихо произнес:

— Нет, мы просто друзья.

— Да ладно? — усомнился Чэн Пан. — Что-то не похоже.

Цю Юй не выдержал и рассмеялся:

— И на что же это, по-твоему, похоже?

Чэн Пан надулся:

— На влюбленную парочку. Если вы и впрямь сошлись, не смей от меня скрывать.

— Я просто помог ей на стоянке, вот мы и разговорились. Больше ничего.

Они пошли к корпусу плечом к плечу. Чэн Пан размышлял: в оригинальном романе этим двоим

потребовалась целая вечность, чтобы осознать свои чувства. Даже с учетом его вмешательства вряд ли они определятся так быстро.

Он решил подтолкнуть парня, чтобы этот «каменноголовый» поскорее прозрел:

— На самом деле, Сюй Линь — замечательная девушка. Красивая, добрая... Я лучше нее и не встречал.

— М-м, — отозвался Цю Юй. Сюй Линь и вправду была хороша.

Заметив, что собеседник не выказывает неприязни, Чэн Пан продолжил наступление:

— За такой девушкой точно бегают толпа парней, так что надо брать быка за рога, пока не увели. Вы ведь столько времени провели вместе в походе, неужели совсем ничего не случилось?

«Он что, пытается выведать подробности?» — подумал Цю Юй и терпеливо ответил:

— Ничего не произошло. Я просто одолжил ей фонарик.

Чэн Пан поперхнулся воздухом:

— Фонарик? И всё? Вы не сидели вдвоем в пещере? Ты не провожал ее ночью до палатки? На нее не прыгнула змея, чтобы она бросилась тебе в объятия? Ей не было страшно идти в туалет одной, и она не просила тебя посторожить?

Цю Юй: «...»

Что он там себе навоображал за эти три дня? Ему почти физически виделось, как Чэн Пан ворочается в постели, выдумывая романтические сцены между ним и Сюй Линь. Цю Юй прижал кулак к губам, подавляя смех.

— Ну чего ты смеешься? — занервничал Чэн Пан. — Неужели ничего из этого не было?

— Успокойся, — Цю Юй поднял взгляд. — Совсем ничего. Она просто взяла фонарик, а я сказал, что возвращать не нужно.

«Не нужно возвращать?!»

«И ВСЁ?!»

Чэн Пан едва не взорвался от ярости. Он, конечно, сам в делах сердечных был не мастер, но идиотские любовные романы строчил пачками!

Фонарик в походе — это же ключевой артефакт! Когда такой козырь сам идет в руки, как можно быть настолько тупым? Не проводить до палатки? Не завести душевный разговор? Не устроить хоть капельку романтики? А вместо этого просто — «не возвращай»?

Что за безнадежный, эталонный чурбан!

Чэн Пан был вне себя. Степень выполнения миссии вот-вот обнулится, а этот герой и пальцем не пошевелил. Бесит!

Он, не проронив ни слова, яростно зашагал вперед. Он ведь в женское платье вырядился, чтобы дать им шанс побыть наедине, а в ответ — такая черная неблагодарность! Сердце обливалось кровью.

В класс он зашел в самом дурном расположении духа.

Цю Юй шел следом, поначалу не понимая причины внезапного гнева. А потом до него дошло: «Должно быть, он просто не выносит, когда мое имя упоминают рядом с Сюй Линь... Ну и ревнивец же он».

Неужели он так разозлился из-за какого-то фонарика, одолженного девушке?

Что ж, в следующий раз не одолжу.

С тех пор как уровень симпатии Чжоу Вэя пополз вверх, степень выполнения миссии неуклонно падала и теперь топталась у отметки в десять процентов. Нужно было срочно что-то предпринимать. Главный герой и злодей застряли на грани «степени изгиба», и Чэн Пан решил во что бы то ни стало выпрямить их обратно, пока они не превратились в геев окончательно.

Весь урок он провел в стратегических раздумьях.

Раньше, когда он вел себя как обычный одноклассник, проблем не возникало. Всё началось после того самого переодевания. Точно! Должно быть, они восприняли его заигрывания всерьез и теперь видят в нем представителя противоположного пола. Значит, чтобы «выпрямить» их, нужно сначала «выпрямиться» самому.

Чэн Пан осознал: притворяться геем, будучи натуралом — опасная затея. Теперь он должен

явить им свое истинное, мужское лицо.

Словами убеждать долго, Чэн Пан жаждал блицкрига.

«Так, кому бы написать любовное письмо?..» — он окинул класс оценивающим взглядом. Нужна была девушка красивая, но холодная, которая гарантированно его отошьет. Тогда он пару раз картинно за ней поплетется, и на нем навсегда закрепится ярлык «неудачника-натурала». Пусть репутация Лю Бая пострадает, зато миссия будет спасена.

В итоге его взор упал на девушку, сидевшую слева чуть впереди, которая как раз поправляла длинные волосы.

«Решено! Одноклассница Чжоу Цянь, выбор пал на тебя!»

В обеденный перерыв Чэн Пан сбегал в школьный магазинчик и купил самый вычурный, аляпистый набор из конверта и бумаги. Вернувшись за парту, он жирно вывел на конверте: «ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ». Так, чтобы ни у кого не возникло сомнений в содержании.

Он развернул лист и торжественно вывел сверху: «Дорогая Чжоу Цянь!». Обвел буквы несколько раз, чтобы даже случайный прохожий мог прочесть имя. Затем достал свой старенький «андроид», нашел в сети сборник любовных посланий и принялся увлеченно переписывать самую сопливую чушь, какую только нашел. «Ты — солнце, а я — Земля, вращающаяся вокруг тебя», «Ты — луна, а я — твоя звезда», «Ты — мой космос, мое всё», «Увидев тебя впервые, я потерял сон и покой»... Слог был корявым, пафос зашкаливал, а самого Чэн Пана едва не стошнило от собственной писанины.

В конце он размашисто расписался — Лю Бай — и запечатал письмо.

«Отлично, — подумал он, — теперь нужно выбрать момент поэффектнее, чтобы вручить его. Пусть все знают: Лю Бай сохнет по Чжоу Цянь. Лю Бай — натурал».

Поразмыслив, он решил сделать это после второго урока. Большая перемена длится двадцать минут, ученики бродят по коридорам — идеальные условия для того, чтобы сплетня разлетелась по всей школе.

План был безупречен, подготовка — тщательна.

Целых десять минут Чэн Пан вживался в роль, воскрешая в памяти уроки актерского мастерства. Когда с момента звонка прошло минут пять, он глубоко вздохнул, подошел к Чжоу Цянь и, глядя на нее нежным, полным тоски и надежды взглядом, протянул конверт:

— Чжоу... Чжоу... Чжоу Цянь...

Девушка, собиравшаяся накрасить ногти, удивленно обернулась.

Ее соседка по парте оказалась проворнее — она выхватила письмо и закричала:

— Ого! Любовное послание!

В тот же миг все, кто был рядом, наострили уши.

Чэн Пан, изобразив крайнюю степень смущения, поспешно ретировался на свое место и уткнулся носом в парту. А про себя ликовал: «Отработал и смылся, черт, как же адреналин прет!»

Заметив, что это парень, Чжоу Цянь тут же отобрала письмо у подруги:

— Это мне!

Она начала вскрывать конверт правой рукой, но в левой всё еще держала открытый флакончик. Рука дрогнула, и капля розового лака упала прямо на первую строчку, густо заливая иероглиф «Цянь».

Девушка невольно вскрикнула от досады.

В это время Чжоу Вэй был на спортивной площадке.

С самого утра он гонял мяч с Ху Пэном и остальной компанией. Близился июнь, и солнце уже припекало вовсю. Ху Пэн, весь взмокший, отправился в класс за водой, а вернувшись, тут же завел разговор, не выпуская мяча из рук:

— Эй, прикиньте, Лю Бай-го наш письмо любовное притащил.

Чжоу Вэй, собиравшийся сделать бросок, на мгновение замер.

— Кому?

— Чжоу Цянь.

Чжоу Вэй с силой послал мяч вперед. Тот с глухим звуком влетел точно в корзину.

Трехочковый!

— Красава! — завопил Ху Пэн.

На перемене перед третьим уроком Чжоу Вэй вернулся в класс. Он не пошел к своей парте, а остановился перед Чжоу Цянь и молча протянул руку.

Девушка прижала конверт к груди:

— На этот раз это парень! И это не тебе, это МНЕ!

— Лю Бай приходил в школу в женском платье, — ровно произнес Чжоу Вэй. — Как думаешь, какая у него ориентация?

Аргумент был убийственным.

До этого момента Чжоу Цянь даже не сопоставляла факты, но теперь поняла: шансов, что это ей, практически нет. К тому же, сколько она ни скребла пятно лака, имя под ним было не разобрать.

«Эх, опять фанатик братца, — вздохнула она про себя, — теперь уже и мужики в ход пошли».

С горьким чувством она отдала письмо.

Чжоу Вэй развернул лист. Он даже не взглянул на заляпанное начало: услышав от Ху Пэна новость, он ни секунды не сомневался, кому на самом деле предназначалось послание. Юноша читал быстро, и пока шел к своему месту, уже закончил.

«Моя любовь к тебе — это священная клятва...»

«Ты — опора моей души, ты заставляешь мое сердце трепетать...»

«Отныне и навсегда ты — мой единственный...»

«Любить тебя вечность — моя цель; ждать тебя тысячу лет — моя жажда; а один твой поцелуй станет счастливейшим мгновением моей жизни. Обещай мне... я полюбил тебя с первого взгляда...»

«Любовь — это всё мое мужество...»

«Увидев тебя впервые, я был сражен наповал...»

Чжоу Вэй не удержался от короткого смешка: «Черт, ну и сопли».

Тем временем Чэн Пан отсиживался в туалете, собираясь с духом. Он был уверен: его письмо произвело эффект разорвавшейся бомбы.

Цю Юя после обеда вызвал учитель, а когда вернулся Чжоу Вэй, Чэн Пан весь извертелся, поглядывая по сторонам. Но почему в классе тишина? Почему никто не шепчется? Почему Чжоу Вэй никак не реагирует?

Неужели нынешние старшеклассники такие хладнокровные?

В его школьные годы, если кто-то кому-то признавался в любви, об этом гудела вся школа, а тут — тишь да гладь.

Он ничего не понимал.

В полном недоумении Чэн Пан досидел до конца уроков.

Почему сплетня не разлетелась? Разве это не самое быстрое, что есть на свете? Или Лю Бай настолько пустое место, что даже такое событие все проигнорировали? Видимо, молодежь нынче пошла ко всему привычная.

Он вышел из корпуса и поднял голову. У левой стороны ворот стоял Цю Юй с рюкзаком за плечами. У правой — Чжоу Вэй, привычно крутящий баскетбольный мяч.

Оба кого-то ждали.

В лучах заходящего солнца шкалы уровня симпатии и уровня почернения над их головами сияли особенно ярко.

Цю Юй: уровень симпатии — 62%, уровень почернения — 17%.

Чжоу Вэй: уровень симпатии — 61%, уровень почернения — 42%.

«... Какого черта?! Почему у Цю Юя уровень симпатии опять вырос? И у Чжоу Вэя тоже!!!»

Что произошло? Чэн Пан был в полной растерянности. Неужели их совсем не смутило его признание Чжоу Цянь? Неужели они настолько решительно припустили по «кривой» дорожке, что даже не думают оборачиваться?

В какой-то момент они оба заметили его и — почти одновременно — едва заметно улыбнулись.

Чэн Пан сделал шаг вперед.

Их взгляды последовали за ним.

Еще шаг... Они всё еще смотрели только на него.

У Чэн Пана появилось очень нехорошее предчувствие.

Неужели они ждут именно его?

Да нет, бред какой-то.

Зачем им его ждать?

Но он вильнул влево, потом вправо — и они неотрывно следили за каждым его движением.

По спине Чэн Пана пробежал холодок. Ему стало по-настоящему не по себе. В голове всплыла картина того, что случится, когда они оба поймут, что он «обрабатывал» их одновременно. Чэн Пану показалось, что в недалеком будущем его ждут очень горькие и унижительные слезы.

«Мамочки... — пронеслось у него в голове. — И в какую сторону мне теперь бежать?»

<http://bllate.org/book/17527/1693633>